

УДК 94(47):32

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-110-121

ОБРАЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В КРУГАХ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Н. Егоров

Череповецкий государственный университет, 162600, Череповец, пр. Луначарского, 5
anegorov65@mail.ru

На основе нарративных источников проанализирован образ члена конституционно-демократической партии в кругах российской административной элиты начала XX в.: министров, высших чиновников, губернаторов и т.п. Используются мемуары С.Ю. Витте, С.Е. Крыжановского, В.Н. Коковцова, П.Л. Барка, А.А. Половцова, М.М. Осоргина и др. Показано, что кадеты воспринимались как оторванные от жизни доктринеры, не понимавшие насущных нужд страны из-за слепой приверженности отвлеченным западным идеям. Предлагая альтернативную модель государственного развития, они превращались в глазах высшей бюрократии в борцов с основами существующего строя. Политика кадетов расценивалась как беспринципная борьба за власть в союзе с революционными партиями, кадетская программатика отрицалась и противопоставлялась интересам государства, либеральная критика действий властей рассматривалась как «глумление» над чиновничеством. Ставя знак равенства между своими представлениями и потребностями страны, высшая административная элита использовала образ кадета как «беспринципного революционера» для обоснования ненужности кардинальных реформ и сохранения своих позиций. Определены сходство и отличие этого образа от того, что сложился в правомонархических кругах Российской империи. Важнейшие отличия заключались в отсутствии антисемитизма, широко распространенного в правых кругах, и в неверии административной элиты в легенду о заговоре против России неких «темных сил». Соответственно, кадеты воспринимались как самодостаточная сила, а не как прислужники антироссийских сил. Сделан вывод о создании в бюрократических кругах крайне негативного образа кадета, что исключало возможность компромисса между властью и обществом.

Ключевые слова: образ врага, конституционно-демократическая партия, кадеты, русский либерализм, Государственная дума, административная элита, губернаторы, министры.

Противоречия между властью и обществом в России начала XX в. проявлялись в самых разных формах, одной из которых было создание образа врага в противоборствующих лагерях. Член ЦК конституционно-демократической партии А.В. Тыркова-Вильямс отмечала, что между правящими кругами и либеральной общественностью «громоздилась обоюдная предвзятость. Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом» (*Тыркова-Вильямс*, 1998, с. 460). С точки зрения последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка, антагонизм между правительством и «так называемой общественностью, то есть главным образом интеллигенцией» являлся «главной проблемой русской государственности» (*Барк*, 2017, т. 1, с. 433).

В современных общественных науках есть целый ряд определений понятия «образ врага». Одно из наиболее удачных принадлежит Е.С. Сенявской, посвятившей этой проблеме несколько работ: «Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационно- или суггестивного типа» [*Сенявская*, 2006, с. 20]. Для гуманитарных наук характерно «включение» понятия «враг» в ситуации противостояния больших социальных групп. Значение и роль образа врага возрастают в кризисных политических ситуациях. В массовом сознании этот образ может быть собирательным, то есть относиться к государству, нации, некоей общности, или персонифицированным, то есть ассоциироваться с конкретной личностью. Но при всем

различии понимания его главная функция заключается в том, чтобы «нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы (обществу, организации, с которой идентифицирует себя субъект и адресат риторических обращений – автор, читатель или зритель), ее базовым ценностям» [Гудков, 2005, с. 14]. Теоретико-методологические подходы и методы изучения образа врага рассмотрены современными исследователями [Гудков, 2005; Денисов, 2009]. В границах данной статьи применение типологического метода позволяет выявить признаки образа либерала, а использование сравнительного метода дает возможность сопоставить особенности восприятия кадета в различных социальных группах (высшая административная элита и правомонархические круги).

Б.И. Колоницкий, немало сделавший для изучения влияния образов различных политических деятелей на общественное сознание и политическую борьбу [Колоницкий, 2017], отмечал, что в период острых социальных и политических потрясений «образ политического деятеля – положительный или отрицательный – превращается в важнейший политический знак, в ключевой элемент политического процесса» [Колоницкий, 2010, с. 18]. Одним из таких элементов стал образ либерала, сложившийся в Российской империи к началу XX в. На сегодняшний день есть ряд работ, посвященных его формированию. Так, Н.В. Аверенкова рассмотрела процесс складывания образа кадета в уральской прессе периода Первой российской революции [Аверенкова, 2006], Л.В. Бибикова (Ульянова) проанализировала основные черты и особенности восприятия либерального движения служащими политической полиции в конце XIX – начале XX в. [Бибикова, 2012; Ульянова, 2009], М.В. Калашников остановился на проблеме понимания термина «либерализм» в русском общественном сознании XIX в. [Калашников, 2012].

Цель данной статьи заключается в анализе образа либерала, сложившегося в кругах российской административной элиты (министры, высшее чиновничество, губернаторы и т.п.) начала XX в. В связи с политическими изменениями, вызванными Манифестом 17 октября 1905 г., административная элита должна была выстраивать новые отношения с представителями общественности, получившими возможность влиять на власть через различные институты, важнейшими из которых являлись политические партии и Государственная дума. От того, как сложатся эти взаимоотношения, во многом зависело определение путей дальнейшего развития страны.

К началу XX в. в консервативных кругах Российской империи уже возник негативный образ либерала на основе представления о том, что либерализм, рожденный в лоне западной цивилизации, не соответствует историческим реалиям России, идущей своим путем. Либеральные идеи казались догматическими и отвлеченными, а их носители воспринимались как «враги отечества», прислужники неких «темных сил» («латинян», евреев, масонов, революционеров), угрожающих самим основам существования России. Политика либералов расценивалась как преступная, а борьба с ними представлялась как «священный» долг каждого гражданина. Либерализм противопоставлялся патриотизму, ставился знак равенства между понятиями «отечество» и «самодержавная власть», а либеральная критика негативных явлений рассматривалась как подрывная деятельность [Егоров, 2013].

С возникновением конституционно-демократической партии появилась возможность связать прежде расплывчатый образ либерала с представителями конкретной политической партии. Воспитанная в самодержавной традиции служения «Престолу и Отечеству», российская административная элита не воспринимала общественные инициативы, шедшие вразрез с позицией верховной власти. М.М. Осоргин, занимавший в начале XX в. должность губернатора в Гродно, а затем в Туле, так сформулировал свою позицию: «губернатор должен быть только закономерным исполнителем высочайших предначертаний» (Осоргин, 2009, с. 695). В понимании чиновников именно самодержавная власть, имевшая четкую иерархическую структуру и законодательную регламентацию, должна была определять задачи деятельности всего государственного механизма [Барыкина, 2018, с. 210].

Система управления не могла измениться сразу после Манифеста 17 октября. Показательна характеристика, данная октябристом Л.А. Зиновьевым премьер-министру И.Л. Горемыкину: «Способный чиновник, воспитанный и выросший на приемах и способах управления узкого, абсолютного самодержавия, Горемыкин просто не понимал и не представлял себе, что могут быть и другие способы и приемы управления страной» (Зиновьев, 2017, с. 137).

Г.М. Кропоткин, рассмотревший взгляды правящей бюрократии на Манифест 17 октября 1905 г. и складывавшийся «новый строй», отмечал: «Мы почти не найдем среди руководителей правительственной политики сознательных сторонников превращения России в парламентскую монархию или тем более республику» [Кропоткин, 2007, с. 29]. При таком подходе кадеты должны были лишь исполнять «высочайшие предначертания», помогать власти вести страну по пути, указанному свыше. Предлагая альтернативную модель государственного развития, кадеты превращались в борцов с самими основами существующего строя. Подобные представления, соединенные с уже сложившимися в консервативной среде взглядами на либералов, способствовали созданию в административных кругах образа кадета как «беспринципного революционера», союзника левых партий, отличающегося от них лишь методами борьбы.

С.Ю. Витте утверждал, что если Манифест 17 октября 1905 г. вместо установления нормально действующей конституции дал лишь рост революционных настроений, то главная вина в этом падает на кадетов и их лидеров. «В сущности, – писал он, – они хотели не конституционную монархию, а республику с наследственным резидентом, да и то до поры до времени, пока существует “монархический предрассудок” в народе» (Витте, 1960, т. 2, с. 373). Витте называл кадетов «свихнувшимися буржуазными революционерами» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003, с. 155), обвинял их в «полнейшей политической бестактности и близорукости», в завышенных требованиях, в «безумном натиске на существующий строй с великой историей». По его мнению, кадеты в I Государственной думе не обладали «государственным благоразумием», не решились отрезать от себя «революционный хвост», и по их вине Дума «увлеклась, зарвалась» и была распущена, не выполнив своей миссии установления конституционного строя (Витте, 1960, т. 3, с. 323, 356).

Министр народного просвещения И.И. Толстой вспоминал, что С.Ю. Витте считал кадетскую партию «вреднее и опаснее для России, чем социалистов или даже анархистов: он говорил, что с крайними партиями может быть открытая и честная борьба, а со скрытыми революционерами, как он называл кадетов, борьба только на хитрости». Под явным влиянием взглядов Витте Толстой писал, что кадетская партия была «не только оппозиционная, но даже, несомненно, революционная, хотя и с явно буржуазным оттенком» (Мемуары графа И.И. Толстого..., 2002, с. 270). Министр земледелия в правительстве П.А. Столыпина князь Б.А. Васильчиков полагал, что вместо того, чтобы, «довольствуясь достигнутым», укреплять представительный строй, кадеты повели Россию в «сторону противоположную, которая их связывала неразрывными узами с революцией, и это довело их до роли ее организаторов» (Васильчиков, 2003, с. 201).

Местная администрация изначально считала кадетскую партию опасной и преследовала ее как революционеров. Отчасти это было связано с тем, что в начале XX в. в провинциальных городах сложилась относительно единая неопределенно-оппозиционная среда из представителей интеллигенции и деятелей местного самоуправления, для которой были характерны как либеральные, так и социалистические идеи. Из этой среды на провинциальном уровне вышли кадеты и умеренные социалисты, чье сходство бросалось в глаза губернским властям. Так, И.Ф. Кошко, занимавший должность губернатора в ряде регионов страны, полагал, что деятельность Новгородского педагогического кружка, возглавляемого в начале XX в. будущими известными кадетами А.М. Колубакиным, А.М. Тютрюмовым и другими, сыграла большую роль в назревании Первой российской революции и сплочении всех радикальных элементов края (Кошко, 1916, с. 18). Даже в 1906 г. архангельские жандармы не видели принципиальных различий между местными кадетами и трудовиками, полагая, что это «одна группировка лиц, вредных в политическом отношении» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 575). И.В. Нарский отмечал, что вследствие многозначности слова «либерал» в русском обиходе между понятиями «либерал» и «революционер» сложно провести четкую границу. Поэтому одна и та же политическая фигура могла характеризоваться и как либеральная, и как консервативная, и, наконец, как радикальная [Нарский, 1997, с. 338]. Для И.Ф. Кошко, как и для многих представителей административной элиты, кадеты являлись радикалами, «освободителями», «либеральными главарями» (Кошко, 1916, с. 20).

Симбирский губернатор Л.В. Яшвилль полагал, что местные кадеты занимались политической «только в форме осуждения правительства», а их победу на выборах в I Думу объяснял

широкими обещаниями и тесным союзом с революционными силами. Он упрекал кадетов в том, что они, не довольствуясь предоставленными возможностями, «требовали Думу с учредительными функциями и ответственным министерством» и «стремились к власти, во что бы то ни стало» (Выборы в I–IV Государственные думы..., 2008, с. 403). Самарскому чиновнику А.Н. Наумову было «противно видеть», как во время предвыборных собраний в I Думу среди крестьянских выборщиков «шныряли и явно перед ними заискивали записные “народные либералы” из разряда разорившихся или вовремя успевших через Крестьянской банк распродать свои земли», как кадеты «беззастенчиво и нагло расточали сладкоречивые обещания» (Выборы в I–IV Государственные думы..., 2008, с. 388).

Начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард полагал, что либералы на саму идею о народном благе смотрели лишь как на средство добиться власти, а для этого они, «не пренебрегая никакими приемами», вели борьбу за свержение самодержавия исходя из принципа «чем хуже, тем лучше». Они приветствовали военные поражения, «соблазняли крестьян принудительным отчуждением помещичьих земель», на выборах в Государственную думу «рекомендовали самые широкие посулы и хотя бы явный обман, лишь бы усилить ряды своих сторонников», а на сам парламент смотрели «лишь как на трибуну для революционной пропаганды, необходимой им для борьбы с правительством и прихода к власти» (Бельгард, 2009, с. 237). В глазах бюрократических кругов кадетская партия выказывала полное презрение к интересам народа и государства, заботясь лишь об одном – расшатать существующую власть.

Обстоятельства политической борьбы начала XX в. способствовали равноуровневым контактам между либералами и умеренными социалистами, в чем царская администрация видела наилучшее доказательство «революционности» кадетов. Характерна история, описанная видным государственным и военным деятелем В.Ф. Джунковским в своих мемуарах. В 1905 г. один из лидеров кадетской партии, П.Д. Долгоруков, будучи председателем Общества вспомоществования учащимся в земских училищах Рузского уезда, поддерживал контакты с членами Всероссийского крестьянского союза. За это власти обвинили его в революционной пропаганде, а собрание предводителей дворянства Московской губернии направило ему коллективное письмо с упреками в «слишком легком» отношении к «явной революционной пропаганде среди крестьян» и поддержке близких отношений с лицами, которые этим занимались. Авторы письма полагали, что государственная служба налагает «безусловную обязанность строго устраниваться от каких бы то ни было действий, могущих колебать власть и направленных, хотя бы и косвенными путями, против законного порядка». В ответ Долгоруков писал: «Вы впадаете в грубую ошибку и приписываете мне революционные действия, из предвзятости ли Вашей, из политической ли нетерпимости, Вы склонны поверить в содействие революционным поступкам» (Джунковский, 1997, с. 74–75). Он доказывал, что не содействовал революционной пропаганде, не совершал действий, «могущих колебать власть» и направленных против «законного порядка», но остался непонятым.

Непонимание чиновниками сути действий либеральной оппозиции позволяло им конструировать образ врага. Например, осенью 1905 г. кадеты, посещая митинги революционно настроенной общественности, упорно пытались доказать ненужность и вред насильственных действий против существующего строя. Тем не менее в 1906 г. власть и октябристы обвинили их в провоцировании восстания. Отвечая на эти упреки, видный кадет В.А. Маклаков говорил на собрании октябристов: «Обращаюсь к справедливости тех, кто ходил на те митинги, которые не давали голоса правым противникам, – помнят ли они, как на этих митингах в разгар октябрьских и ноябрьских страстей мы энергично, вызывая свистки, упорно говорили против вооруженного восстания? Ходили ли в “Аквариум” ораторы “Союза 17 октября”, где это восстание проповедовалось, а мы туда ходили, и я там был! То зло и те неприятности, которые может производить явное осуждение общественного мнения, мы на себе выносили, поэтому упрекать нас в лицемерии и подстрекательстве к восстанию может либо человек, ничего не знающий, либо человек, который правды сказать не хочет» (Партия «Союз 17 октября»..., 1996, с. 276).

Административная элита видела цель либералов в установлении власти над народом, а не в достижении блага для страны. В мемуарах И.И. Толстого приведены слова С.Ю. Витте о том, что кадеты не захотят помочь правительству «умиротворить и устроить Россию, так как единственная их цель – управлять самим, а не служить Царю и стране» (Мемуары графа И.И. Тол-

стого..., 2002, с. 271). Видный государственный деятель А.А. Половцов характеризовал кадетских лидеров как «сборище жадных искателей своего личного благополучия», которые стремятся к достижению «эгоистических в разных смыслах целей» (Половцов, 2015, с. 531). По словам П.Л. Барка, вся политика кадетской партии основывалась на принципе «уйди прочь, а я займу твое место», все стремления сводились к тому, чтобы «захватить власть в свои руки», а тактика была направлена к «подрыву авторитета правительства» (Барк, 2017, т. 1, с. 412).

Исходя из такой установки, бюрократические круги видели скрытую угрозу в любых действиях оппозиции. По мнению А.В. Бельгарда, либералы даже на патриотические уличные демонстрации по случаю подписания мирного договора с Японией смотрели лишь как на способ «проверить силы и возможность уличных массовых выступлений и как на удобный способ испробовать приемы необходимого воздействия на толпу». Университетскую автономию либеральные профессора использовали лишь как «новое средство борьбы с самодержавием». Борьба земств и городских дум за расширение своих прав воспринималась как стремление к провоцированию конфликта между органами общественного самоуправления и правительством для создания атмосферы общественного недовольства и протеста. Поэтому главная цель либеральных деятелей – не что-либо создавать, а протестовать (Бельгард, 2009, с. 238–239).

В такой системе координат думская деятельность либеральной оппозиции рассматривалась как «явно революционное» стремление к коренному изменению Основных государственных законов и передачи всей власти народному представительству. По мнению А.В. Бельгарда, кадеты в I Государственной думе «упорно отказывались» от компромисса с властью, поскольку на свое участие в народном представительстве смотрели лишь как на возможность «взорвать ее изнутри и как на средство борьбы с существующим режимом» (Бельгард, 2009, с. 238). П.Л. Барк описал в мемуарах частное совещание министров и думцев в январе 1915 г., на котором кадет А.И. Шингарев высказал мнение либеральной оппозиции о положении дел в стране и предъявил правительству ряд вопросов. Характерен ответ премьер-министра на кадетские предложения. В изложении Барка, И.Л. Горемыкин сказал, что вся речь Шингарева сводилась к тому, что «правительство ничего не предусмотрело, но что если бы на месте председателя Совета министров сидел не Горемыкин, а Шингарев, то все дела шли бы блестяще; однако он позволяет себе думать, что А.И. Шингарев ошибается и от такой перемены государственный аппарат не выиграл бы» (Барк, 2017, т. 1, с. 412). Прекрасно понимая, какие негативные последствия может иметь такая позиция, Барк с горечью писал, что встреча либералов с правительством «вместо искреннего обмена мнений ... привела к тому, что многое осталось недоговоренным, возникли недоразумения, имевшие в своей основе взаимное непонимание, отсюда появилось недоверие друг к другу, поведшее к дальней отчужденности между Государственной думой и правительством» (Барк, 2017, т. 1, с. 411).

Так же негативно воспринималась и деятельность либералов в любых других общественных и государственных организациях. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев писал, что в годы Первой мировой войны работники Земгора, оказывая минимальную помощь больным и раненым воинам, «максимум своей работы обратили на борьбу с правительством». В его представлении Земгор сыграл наравне с Центральным военно-промышленным комитетом «гнусную роль в развале России». «Обе эти организации, – заключал он, – руководились кадетской партией и обе работали как на фронте, так и в тылу в пользу свержения монархии» (Глобачев, 2009, с. 93).

Во всех текстах представителей высшей бюрократии красной нитью проходит мысль о неспособности либералов к государственной деятельности. С.Е. Крыжановский полагал, что либералы обладали «какими-то ребяческими представлениями и о России, и о механизме управления», твердо верили в «спасительную силу хороших слов». Негативная оценка оппозиции была нужна Крыжановскому для обоснования того, почему власть не пошла на уступки либералам в 1905–1906 гг., не ввела их в состав правительства. «В составе лиц, выдвинутых политическими кругами, – писал он, – деловых людей не оказалось, а оказались либо теоретики и доктринеры, не отдававшие себе отчета в том, что такое управление, – подобные Милокову, или губернские и уездные пророки, подобные Родичеву и Стаховичу... Это были мечтатели, способные разрушать, но не способные управлять» (Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского..., 2009, с. 117). По мнению А.В. Бельгарда, кадеты пришли в Думу «с кругозором и пси-

хологией уездного города, безнадежно загубив вместе с враждебными русской государственно-сти инородцами и представителями открыто революционных партий первый опыт русского народного представительства». Он видел возможность наладить законодательную работу Государственной думы, если бы руководители кадетской партии «отказались от дальнейшей борьбы за власть и в единении с правительством действительно взяли бы на себя ответственность за дальнейшие судьбы России» (*Бельгард*, 2009, с. 284). То есть кадеты должны были отказаться от своих взглядов и поддержать политику правительства, превратившись в исполнителей воли государя. Понятно, что такая эволюция либеральной оппозиции была невозможна, а иную альтернативу кадетам высшая бюрократия не предлагала.

Директор департамента Министерства иностранных дел В.Б. Лопухин писал, что «лучшая молодежь помещичьего класса», окончивая вузы, поступала на государственную, гражданскую или военную службу, а «худший отпрыск помещичьего класса», еле окончивавший гимназию, шел в земство, делая более легкую карьеру по местному и дворянскому самоуправлению (*Лопухин*, 2008, с. 80). Видный государственный деятель В.И. Гурко также считал, что в дореволюционной России «служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном» (*Гурко*, 2000, с. 242). Противопоставление профессионализма государственных служащих дилетантизму либералов объяснялось еще и личной ненавистью к людям, которые, критикуя деятельность властей, претендовали на большую компетентность в делах государственного управления, чем искушенная правящая бюрократия. Кадеты, по мнению административной элиты, продемонстрировали обществу «поразительную легковесность своего умственного и нравственного багажа», а также редкое неумение работать. Эта конкурентная по своей сути ненависть вылилась в утверждение о том, что весь смысл политических притязаний кадетских лидеров сводился единственно к тому, чтобы самим усесться в министерские кресла, завладеть министерскими портфелями из жажды господства и власти. Неприязнь к кадетам подогревалась слухами об их возможном вхождении во власть, распространенными в 1906–1907 гг. Так, А.В. Богданович зафиксировала в своем дневнике ходившие в Министерстве внутренних дел в феврале 1907 г. слухи о предполагаемой отставке П.А. Столыпина и формировании «кадетского министерства», причем источником этих слухов выступал действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета Н.А. Зиновьев (*Богданович*, 1990, с. 416).

О серьезных опасениях представителей административной элиты потерять свою власть и влияние в случае прихода к власти кадетов говорит диалог министра финансов В.Н. Коковцова с императрицей в период работы I Государственной думы. Анализируя сценарии возможного развития политических событий, Коковцов предлагал верховной власти либо распустить Думу и одновременно изменить избирательный закон, либо пойти на «введение у нас полного парламентского строя и в этом случае на передачу власти не старым слугам Государя, а совершенно новым людям, выполняющим не его волю, а волю общественного настроения...» (*Коковцов*, 1992, с. С. 157). Понятно, что «старые слуги Государя» не горели желанием передавать власть либералам, отдавать им инициативу в проведении преобразований в стране. При таком подходе, что бы ни делали кадеты, их образ изначально был негативным в силу того, что они служили «общественному настроению», а административная элита – государю. Недаром К.А. Соловьев к базовой характеристике политической культуры России начала XX в. отнес столкновение «политических языков», типов мышления, что «исключало подлинный диалог, часто заменявшийся квазидialogом или же его полным отсутствием» [*Соловьев*, 2012, с. 160].

Неготовность к диалогу не предполагала какого-либо серьезного отношения бюрократических кругов к программатике кадетской партии, которая являлась, по их мнению, не отражением потребностей широких масс населения, а всего лишь инструментом борьбы за власть. Так, И.И. Толстой назвал кадетскую программу расплывчатой, преисполненной «заманчивыми обещаниями и посулами» (Мемуары графа И.И. Толстого..., 2002, с. 270). В.И. Гурко полагал, что у либералов не было «сколько-нибудь определенной политической программы по самым основным вопросам народной жизни, да и не были они в состоянии ее выработать, но дух критики в них был сильно развит, причем он нередко или, вернее, обыкновенно превращался в простой *persiflage* (глумление, насмешка. – *А. Е.*)» (*Гурко*, 2000, с. 258). Официальная пресса подчеркивала двуличность и эластичность кадетской программы. Ответственный руководитель

правительственного официоза – газеты «Россия» – И.Я. Гурлянд (писал под псевдонимом Н.П. Васильев) утверждал: «Никакой политической программы, тем более никаких реальных ответов по существу социальных задач у этого содружества нет. Все их стремления сводятся к тому, чтобы так или иначе, на почве любого из существующих вопросов, путем любого средства, произвести политический переворот, который дал бы им возможность захватить власть и разделить ризы» (Васильев, 1912, с. 94). Кадетов обвиняли в подмене главной цели. В.И. Гурко считал, что цель, которая должна быть по сути служебной, – обладание властью ради проведения задуманных реформ – превратилась для кадетов «в всепоглощающую», в то время как заявленные в программе партии цели «превратились в служебные, имевшие в виду осуществление лишь одной задачи – завладения властью...» (Гурко, 2000, с. 499).

Как правило, представители административной элиты конструировали образ кадета исходя из своих чисто теоретических построений, мировоззренческих установок. Образ либерала складывался не под влиянием их практической деятельности, а как производный от взглядов их оппонентов. Большую роль в этом играли самые разные слухи и домыслы. Так, А.А. Половцов в своем дневнике от 10 июля 1906 г. привел услышанный им рассказ В.Н. Коковцова о переговорах властей с кадетами накануне роспуска I Государственной думы относительно возможности формирования кабинета с участием либералов. По словам Коковцова, П.Н. Миллюков, стремясь привлечь в правительство поляков, встретился в ресторане с их представителем графом Иосифом Потоцким. Между ними, в пересказе Половцева, состоялся следующий диалог: «”Какими средствами, – спросил Потоцкий, – Вы будете достигать своих целей? Ведь вероятно, Вы начали бы с того, что уволили бы всех нынешних генерал-губернаторов, губернаторов, жандармов, полицмейстеров, военачальников?” – “Конечно, – отвечал Миллюков, – но ведь можно будет набрать других”. “Но в таком случае это будут исполнители новых насильственных мероприятий, а не защитники свободы”. – “Да, но уж хотя бы и один день, да мой день!”» (Половцов, 2015, с. 535). В этом анекдотическом рассказе важна каждая деталь. Запись сделана на второй день после роспуска I Думы, когда высшие сановники старались найти доводы для необходимости роспуска парламента, одним из которых было «лицемерие» кадетских вождей. Собеседником Миллюкова выступал польский граф, католик, автономист, что служило доказательством стремления кадетов ради власти пойти на уступки национальным окраинам и тем самым развалить Россию. И, наконец, слова Миллюкова, показывающие, что для него главное – власть любой ценой. Подобного рода слухи, ходившие в консервативных кругах, способствовали формированию необходимого образа кадета.

Сконструированный в теории образ либерала переносился на конкретных лиц. Например, В.И. Гурко видел в известном либерале М.А. Стаховиче «земского оракула» и «уездного глашатая», который не обладал «государственным пониманием вещей», а был «типичным представителем русских провинциальных мыслителей, обладающих лишь скудными положительными знаниями при определенно дилетантском отношении к самым сложным вопросам народной жизни». По его мнению, Стахович, как типичный продукт эпохи, олицетворял «мягкотелый русский земский либерализм, сплетенный из отсутствия глубоких познаний, поверхностного ума и туманных чаяний космополитического уклона» (Гурко, 2000, с. 258). П.Н. Миллюкова Гурко характеризовал словами «безграничное честолюбие и тщеславие», «самоуверенность», «доктринерство», «политическая аморальность» (Гурко, 2000, с. 500).

На формирование любого образа существенное влияние оказывают характер социального взаимодействия, непосредственное общение с носителем образа. Повседневная административная практика часто сводила чиновников с кадетами в решении конкретных государственных и общественных вопросов, что позволяло корректировать образ либерала. Оказывалось, что кадеты вовсе не были оторванными от жизни «теоретиками и доктринерами», а очень неплохо справлялись с порученным делом. В ряде мемуаров негативная оценка кадетской партии сосуществовала с позитивной оценкой отдельных ее членов. Так, последний министр иностранных дел Российской империи, Н.Н. Покровский, воспроизводя общие характеристики кадетов как «неразумных и недобросовестных» союзниках левых партий, занимающихся «шатанием государственной власти» (Покровский, 2015, с. 168), давал в то же время высокую оценку тем из них, с которыми вместе работал. Н.Н. Кутлера он воспринимал как трудолюбивого человека «с прекрасными способностями, исключительной памятью и основательным знанием нашего по-

датного дела», сыгравшего большую роль в работе Департамента окладных сборов и на других должностях (Покровский, 2015, с. 96). И.Ф. Кошко, давая высокую оценку князю Г.Е. Львову, называя его «человеком большого ума», который не витал в «заоблачных сферах», а добросовестно занимался повседневными делами, полагал, что «он был так не похож на кадета» (Кошко, 1916, с. 17). М.М. Осоргин отмечал: «Насколько я считаю князя Львова двоедушным, лживым и в политике непорядочным, настолько в делах хозяйственных считаю его талантливым организатором и энергичным, незаменимым работником» (Осоргин, 2009, с. 714).

Князь Б.А. Васильчиков писал, что с большинством кадетов, с которыми он общался, в частной беседе можно было договориться по самым разным общественным и политическим вопросам. Но, когда кадеты выступали публично, в прессе, на собраниях, они совершенно менялись: «Ими овладевал панический страх прослыть недостаточно левыми, недостаточно враждебными "ненавистному правительству", в чем-либо, даже в мелочах, быть с ним солидарными; поддержки себе они искали только от своих левых соседей; отвергая социализм, они дружили с социалистами». В итоге, «именуя себя партией "конституционной", они в то же время в составе Думы ассимилировались с крайними революционными течениями» (Васильчиков, 2003, с. 201). Это противоречие мемуарист объяснял тем, что представители либеральной общественности вместо сотрудничества с властью предпочли влияние чуждых западных идей, пошли в политику, заразились «особой партийной психологией» и оказались «более склонны к безответственной политике оппозиции, чем к ответственности, сопряженной с властью» (Васильчиков, 2003, с. 202).

Образ кадета как врага стал естественной реакцией, закономерной и объективной, на революционные события и крушение традиционных порядков. Ведь именно либералы, по мнению консерваторов, были повинны в революционных событиях, охвативших патриархальную Россию. Характерны слова Л.А. Зиновьева о П.Н. Милокове: «В правых кругах его ненавидели, считали почему-то главным виновником революции, и такое мнение о нем сохранилось и у многих беженцев после революции» (Зиновьев, 2017, с. 129). М.М. Осоргин признавался в мемуарах о своем отношении к кадетам в 1905–1907 гг.: «Кадетская партия стала мне прямо ненавистна; мне казалось, что ее политика – неискренний демократизм – и была главной причиной разрухи» (Осоргин, 2009, с. 782).

Таким образом, в кругах административной элиты кадеты воспринимались как оторванные от жизни доктринеры, не понимавшие насущных нужд страны из-за слепой приверженности отвлеченным западным идеям. Политика кадетов расценивалась как беспринципная борьба за власть в союзе с революционными партиями, кадетская программатика противопоставлялась интересам государства, либеральная критика действий властей рассматривалась как «глумление» над чиновничеством. Ставя знак равенства между потребностями страны и своими представлениями, и высшая административная элита использовала образ кадета как «беспринципного революционера» для обоснования ненужности кардинальных реформ в социально-политической сфере (умеренные экономические реформы признавались) и сохранения своих позиций. Несложно заметить соответствие этого образа взглядам, сложившимся в правомонархических кругах Российской империи [Егоров, 2012], за некоторым исключением. Во-первых, в текстах российских чиновников, как правило, не было антисемитских мотивов, широко распространенных в правых кругах. Во-вторых, административная элита не очень верила в легенду о заговоре против России неких «темных сил» и, соответственно, не считала либералов их орудием. Для нее кадеты являлись самодостаточной силой, а не прислужниками «мирового еврейства», масонов и иных антироссийских сил.

В итоге в кругах административной элиты Российской империи начала XX в. сложился крайне негативный образ кадета, который исключал возможность компромисса между властью и обществом. Как с горечью констатировал в эмиграции П.Л. Барк, «трагедия России заключалась в том, что различные круги, искренне убежденные, что они одни – патриоты, одни понимают настоящие национальные цели страны и находятся на правильном пути к достижению процветания России, – с полным недоверием и даже ненавистью относились к инакомыслящим. Нетерпимость к другим вместо содружества... погубила великую империю» (Барк, 2017, т. 2, с. 251).

Список источников

- Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914 – 1917: в 2 т. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2017. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 552 с.
- Бельгард А.В.* Воспоминания. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. 688 с.
- Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
- Васильев Н.П.* Правда о кадетах. СПб.: Б.и., 1912. 88 с.
- Васильчиков Б.А.* Воспоминания. М.: Наше наследие, 2003. 271 с.
- Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 639 с.; Т. 3. 723 с.
- Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.
- Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников: Материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко / ЦИК РФ. М.: Б.и., 2008. 860 с.
- Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
- Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 177.
- Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Нов. лит. обозрение, 2000. 810 с.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.
- Зиновьев Л.А.* В огне трех революций: Воспоминания. М.: Русский путь, 2017. 312 с.
- Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 650 с.
- Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. М.: Наука, 1992. Кн. 1. 447 с.
- Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914 г.). Новгород; Самара; Пенза. Пг.: Б. и., 1916. 259 с.
- Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008. 540 с.
- Мемуары графа И.И. Толстого. М.: Индрик, 2002. 464 с.
- Осоргин М.М. Воспоминания, или что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861 – 1920. М.: Рос. фонд культуры и др., 2009. 1000 с.
- Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. / сост. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 1. 408 с.
- Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. 488 с.
- Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 / сост. О.Ю. Голечковой. СПб.: АНО «Женский проект»; Алетейя, 2015. 704 с.
- Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/CLOVO, 1998. 560 с.

Библиографический список

- Аверенкова Н.В.* Образы либерала в уральской печати в период Первой российской революции: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 210 с.
- Барыкина И.Е.* Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
- Бибикова Л.В.* Либеральное движение глазами политической полиции Российской империи (1880–1905) // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. 11. С. 148–173.
- Гудков Л.Д.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
- Денисов Д.А.* Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. № 1. С. 113–126.
- Егоров А.Н.* Образ либерала в консервативной публицистике Российской империи начала XX века // Учен. зап. Петрозаводского государственного университета. 2012. № 5. С. 17–20.
- Егоров А.Н.* Формирование образа либерала в консервативных кругах Российской империи второй половины XIX века (на примере работ князя В.П. Мещерского) // Учен. зап. Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5. С. 7–11.

Калашиников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 464–513.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народов» (март – июнь 1917 года). М.: Нов. лит. обозрение, 2017. 520 с.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Нов. лит. обозрение, 2010. 664 с.

Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» в России (1905–1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 29 с.

Нарский И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте (историографический парадокс) // История национальных политических партий в России: Матер. междунар. конф. / отв. ред. А.И. Зевелев, В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 335–355.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки истории русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 74–160.

Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880 – октябрь 1905 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.02.2019

THE IMAGE OF A CADET PARTY'S MEMBER AMONG THE RUSSIAN ADMINISTRATIVE ELITE OF THE EARLY 20TH CENTURY

A. N. Yegorov

Cherepovets State University, Lunacharskogo ave., 5, 162600, Cherepovets, Russia
anegorov65@mail.ru

Based on narrative sources, the article analyzes the image of a member of the Constitutional Democratic Party in the circles of the Russian administrative elite of the early 20th century: ministers, senior officials, governors, etc. The memoirs of S.Y. Witte, S.E. Kryzhanovsky, V.N. Kokovtsov, P.L. Bark, A.A. Polovtsev, M.M. Osorgin, etc. were used. It is shown that the Cadets were perceived as doctrinaires who were detached from the life and did not understand the urgent needs of the country because of their blind commitment to abstract Western ideas. In the eyes of the highest bureaucracy, by offering an alternative model of the state development, the Cadets turned into fighters with the foundations of the existing system. Cadet politics was regarded as an unprincipled struggle for power in alliance with revolutionary parties; their program was contrary to the interests of the state, and liberal criticism of the actions of the authorities was seen as a "mockery" of the bureaucracy. Equating their ideas and the needs of the country, the highest administrative elite used the image of the Cadet as an "unscrupulous revolutionary" to justify the uselessness of radical reforms and maintain their position. The author compares this image with the one widespread in the right circles of the Russian Empire. The most important differences were the absence of anti-Semitism widespread in the right circles and the disbelief of the administrative elite in the legend of the conspiracy of some "dark forces" against Russia. Accordingly, the Cadets were perceived as a self-sufficient force, and not as servants of anti-Russian forces. It is concluded that there was an extremely negative image of the Cadets in bureaucratic circles, which excluded any possibility to find a compromise between the government and society.

Key words: enemy image, the Cadets, Russian liberalism, the State Duma, administrative elite, governors, ministers.

References

Averenkova, N.V. (2006), *Obrazy liberala v ural'skoy pechati v period Pervoy rossiyskoy revolyutsii* [Images of a liberal in the Ural press during the First Russian revolution], PhD dissertation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, 210 p.

Bark, P.L. (2017), *Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossiyskoy imperii. 1914 – 1917* [Memories of the last Minister of Finance of the Russian Empire. 1914–1917], Kuchkovo pole; Megapolis, Moscow, Russia, Vol. 1, 496 p.; Vol. 2, 552 p.

Barykina, I.E. (2018), *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vtoroy poloviny XIX veka (osobyie formy i spetsial'nye instituty)* [Public administration of Russia in the second half of the 19th century (special forms and special institutions)], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, 368 p.

- Bel'gard, A.V. (2009), *Vospominaniya* [Memories], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 688 p.
- Bibikova, L.V. (2012), "Liberal movement through the eyes of the political police of the Russian Empire (1880–1905)", *Russkiy sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*, Vol. XI, pp. 148–173.
- Bogdanovich, A.V. (1990), *Tri poslednih samodержztsa. Dnevnik* [The last three autocrats. Diary], «Novosti», Moscow, Russia, 608 p.
- Denisov, D.A. (2009), "Identification of the enemy's image in political communication", *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki»*, Vol. 1, pp. 113–26.
- Dzhunkovskiy, V.F. (1997), *Vospominaniya* [Memories], Izd-vo im. Sabashnikovyh, Moscow, Russia, Vol. 1, 736 p.
- Egorov, A.N. (2012), "The image of the liberal in the conservative journalism of the Russian Empire of the early 20th century", *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 5, pp. 17–20.
- Egorov, A.N. (2013), "Formation of the image of the liberal in conservative circles of the Russian Empire in the second half of the 19th century (on the example of Prince V.P. Meshchersky)", *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 5, pp. 7–11.
- Globachev, K.I. (2009), *Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo ohrannogo otdeleniya* [The truth about the Russian revolution: Memories of the former head of the Petrograd security department], ROSSPEN, Moscow, Russia, 519 p.
- Gudkov, L.D. (2005), "The ideology of the "enemy": "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism of socio-cultural integration", in *Obraz vraga* [Enemy image], OGI, Moscow, Russia, pp. 7–79.
- Gurko, V.I. (2000), *Cherty i siluety proshlogo: pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past: the government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 810 p.
- Iz arhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya* (2003) [From the archive of Sergey Witte. Memories], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, Vol. 2, 650 p.
- Kalashnikov, M.V. (2012), "The concept of liberalism in Russian public consciousness of the 19th century", in *«Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": to the historical semantics of the imperial period], Vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 464–513.
- Kokovtsov, V.N. (1992), *Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903–1919 gg.* [From my past. Memory lane. 1903–1919], Nauka, Moscow, Russia, Vol. 1, 447 p.
- Kolonitskiy, B.I. (2010), *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoy semyi v gody Pervoy mirovoy voyny* ["Tragic erotica": Images of the imperial family during the First World War], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 664 p.
- Kolonitskiy, B.I. (2017), *«Tovarishch Kerenskiy»: antimonarhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdy narodov» (mart – iyun' 1917 goda)* ["Comrade Kerensky": the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the "leader of peoples" (March – Yune 1917)], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 520 p.
- Koshko, I.F. (1916), *Vospominaniya gubernatora (1905 – 1914 g.). Novgorod – Samara – Penza* [Memories of the Governor (1905 – 1914). Novgorod – Samara – Penza], w.p., Petrograd, Russia, 259 p.
- Kropotkin, G.M. (2007), *Pravyashchaya byurokратиya i «novyy stroy» v Rossii (1905 – 1907 gg.)* [The ruling bureaucracy and the "new system" in Russia (1905-1907)], Extended abstract of PhD dissertation, Moscow State University, Moscow, Russia, 29 p.
- Lopuhin, V.B. (2008), *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannyh del* [Notes by the former Director of the Department of the Ministry of foreign Affairs], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, 540 p.
- Memuary grafa I.I. Tolstogo* (2002) [The memoirs of count I. I. Tolstoy], Indrik, Moscow, Russia, 464 p.
- Narskiy, I.V. (1997), "Russian liberalism in the European and national context (historiographical paradox)", in Zevelev, A.I. & V.V. Shelokhaev (ed.), *Istoriya natsional'nyh politicheskikh partiy v Rossii* [History of national political parties in Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 335–355.
- Osorgin, M.M. (2009), *Vospominaniya, ili chto ya slyshal, chto ya videl i chto ya delal v techenie moyey zhizni, 1861 – 1920* [Memories, or what I heard, what I saw and what I did during my life, 1861-1920], Ros. fond kul'tury i dr., Moscow, Russia, 1000 p.
- Partiya «Soyuz 17 oktyabrya». Protokoly s"ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK (1996)* [Party "Union of October 17". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee], ROSSPEN, Moscow, Russia, Vol. 1, 408 p.
- Pokrovskiy, N.N. (2015), *Posledniy v Mariinskom dvorce: Vospominaniya ministra inostrannyh del* [The latest in Mariinsky Palace: memoirs of a Minister of foreign Affairs], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 488 p.
- Polovtsov, A.A. (2015), *Dnevnik. 1893 – 1909* [Diary. 1893 – 1909], ANO «Zhenskiy proekt»: Aleteyya, St. Petersburg, Russia, 704 p.

- Senyavskaya, E.S. (2006), *Protivniki Rossii v voynah XX v.: evolyutsiya obraza vruga v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the 20th century: evolution of the image of the enemy in the minds of the army and society], ROSSPEN, Moscow, Russia, 288 p.
- Solovyev, K.A. (2012), "Political culture", in *Ocherki istorii russkoy kul'tury. Konets XIX – nachalo XX veka. T. 2: Vlast'. Obshchestvo. Kul'tura* [Essays on the history of Russian culture. Late XIX – early XX century. Vol. 2: Power. Society. Culture], Izd-vo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 74–160.
- Tyrkova-Vil'yams, A.V. (1998), *Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet* [Memories. What will never happen again], SLOVO/CLOVO, Moscow, Russia, 560 p.
- Ulyanova, L.V. (2009), *Politicheskaya politsiya i liberal'noe dvizhenie, 1880 – oktyabr' 1905 g.* [The political police and the liberal movement, 1880 – October 1905], Extended abstract of PhD dissertation, Moscow State University, Moscow, Russia, 24 p.
- Vasil'chikov, B.A. (2003), *Vospominaniya* [Memories], Nashe nasledie, Moscow, Russia, 271 p.
- Vasilyev, N.P. (1912), *Pravda o kadetah* [Truth about cadets], w.p., St. Petersburg, Russia, 88 p.
- Vitte, S.Yu. (1960), *Vospominaniya* [Memories], Sotsekgiz, Moscow, Russia, Vol. 2, 639 p.; Vol. 3, 723 p.
- Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* (2009) [Memories: from the papers of S. E. Kryzhanovsky, the last Secretary of state of the Russian Empire], RNB, St. Petersburg, Russia, 228 p.
- Vybory v I-IV Gosudarstvennye dumy Rossiyskoy imperii (Vospominaniya sovremennikov. Materialy i dokumenty)* (2008) [Elections to the I-IV state Duma of the Russian Empire (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)], TsIK RF, Moscow, Russia, 860 p.
- Zinovyev, L.A. (2017), *V ogne trekh revolyutsiy: Vospominaniya* [In the fire of three revolutions: Memories], Russkiy put', Moscow, Russia, 312 p.